81 6/2

Барк-Петровский, И.П.
81 6/2

ШЕРВУДЪ.

81 6/2.

(Изъ записокъ генералъ-майора Б—П.)

104/2

БЕРЛИНЪ. 1860.

FERDINAND SCHNEIDER.

VICTORIA-STRASSE 11.

Гос. Ордена Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 497664
193 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

81 6/2

Въ 182... году я былъ переведенъ изъ гвардіи въ Новомiргородскій уланскій, полкъ расположенный въ харьковскомъ военномъ поселеніи. Въ лейб-эскадронѣ этого полка я замѣтилъ одного унтеръ-офицера, который рѣзко отличался во фронтѣ отъ нижнихъ чиновъ нѣжностію лица и благороднымъ видомъ. Я спросилъ объ немъ эскадроннаго командира и узналъ, что квартермистръ Шервудъ, изъ иностранцевъ, служитъ въ полку вольноопредѣляющимся, на двѣнадцатилѣтнихъ правахъ.

Вскорѣ послѣ того, вступивъ въ управленіе полковымъ комитетомъ, я нашелъ Шервуда въ числѣ писарей канцеляріи комитета и былъ пораженъ происшедшей въ его наружности перемѣной. Онъ сидѣлъ тутъ заспанный, нечесанный, съ протертыми локтями и въ дыравыхъ сапогахъ, изъ которыхъ высовывались голые пальцы. Непремѣнный членъ комитета, завѣдывавшій письменными

дѣлами, на вопросъ мой о причинѣ такого жалкаго состоянія Шервуда, объяснилъ, что Шервудъ, ведетъ себя очень дурно и никакія исправительныя мѣры на него не дѣйствуютъ; но что, не смотря на это, онъ вынужденъ терпѣть его въ канцеляріи за отличныя способности и знаніе ариѳметики. Не дѣлая на первый разъ взысканія, я приказалъ только строго наблюдать за поведеніемъ Шервуда и приводить въ порядокъ его наружность. Однако ничто не помогало: онъ продолжалъ пить хуже прежняго.

Однажды онъ пришелъ въ канцелярію съ лицомъ блѣднымъ и распухшимъ отъ продолжительнаго кутежа и вообще въ такомъ отвратительномъ видѣ, что мною овладѣло чувство состраданія къ этому существу, близкому къ совершенной погибели, и неодолимое желаніе спасти его. Съ этой цѣлью я позвалъ его въ свой кабинетъ, заперъ дверь и началъ съ участіемъ разспрашивать о причинахъ, доведшихъ его до такого жалкаго состоянія. Я говорилъ долго и съ жаромъ; Шервудъ предо мной молча, съ опущенной головой, судорожно мялъ свою фуражку и дышалъ тяжело и прерывисто. Наконецъ слезы закапали изъ его глазъ и сдержанныя рыданія вырвались изъ груди.

Я далъ ему выплакаться. Успокоившись, онъ сказаль мнѣ:

„Ваше высокоблагородіе, участіе, которое вы принимаете во мнѣ, обязываетъ меня раскрыть передъ вами всю мою душу. Чувствую, какъ низко я упалъ, но скажу вамъ, не для оправданія себя, что меня привело къ тому отчаяніе. Я поступилъ въ военную службу съ одною цѣлью — получить офицерскій чинъ. Я искалъ въ немъ спасенія для себя и для той, которая принесла все въ жертву изъ любви ко мнѣ; но вотъ уже болѣе пяти лѣтъ я служу въ нижнемъ чинѣ, безъ надежды на производство. Не находя выхода изъ моего ужаснаго положенія, будучи принужденъ скрывать отъ всѣхъ мою тайну, терпя постоянную нищету, я попробовалъ утолить свою тоску въ винѣ... и вотъ видите, до чего дошелъ. Но это еще не все. Я рѣшился дезертировать изъ полка, и даже въ самомъ непродолжительномъ времени исполнилъ бы это намѣреніе. Давно я питаю въ себѣ мысль бѣжать за-границу, въ Грецію, напримѣръ, которая сражатся теперь за свою свободу; тамъ я думалъ сдѣлать карьеру или погибнуть.“

Видя благопріятное дѣйствіе моихъ словъ на Шервуда, я пригласилъ его сѣсть, просилъ успо-

коиться и разсказать мнѣ свою жизнь, давъ ему слово употребить всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы облегчить его положеніе. Вотъ вкратцѣ его разсказъ:

„Мой отецъ англичанинъ и отличный механикъ. При императорѣ Павлѣ онъ былъ вызванъ въ Россію для устройства и управленія Купавинскими фабриками. Онъ выѣхалъ изъ Англіи съ семействомъ, состоящимъ изъ жены и трехъ сыновей, между которыми я самый младшій. Завѣдывая фабрикою, отецъ велъ свои дѣла такъ удачно, что составилъ себѣ значительное состояніе, нажилъ нѣсколько домовъ въ Москвѣ и имѣлъ возможность дать намъ, можно сказать, блестящее воспитаніе, обучивъ въ то же время и любимой своей наукѣ — механикѣ. Мы жили въ полномъ довольствѣ, даже въ роскоши, какъ вдругъ все измѣнилось. Отецъ нашъ, по неуступчивости своего характера, перессорился съ начальствующими надъ фабрикою лицами, въ работахъ вкрались упущенія, выходившій изъ станковъ товаръ начали браковать; возникла переписка; весь наличный товаръ въ складахъ опечатали, а какъ отъ долгаго лежанія онъ испортился, то всѣ понесенные вслѣдствіе того убытки возложили на отца, конфисковали его дома, захватили капиталы и оставили его, на

старости лѣтъ, почти безъ куска хлѣба. Тогда старшіе мои братья, знавшіе въ совершенствѣ механику, заняли должности на чужихъ фабрикахъ, а я пожелалъ вступить въ военную службу. Но, не имѣя протекціи, я не могъ ничего добиться, и нѣсколько времени шатался по Москвѣ безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни, перебиваясь кое-какъ по милости моихъ соотечественниковъ, у которыхъ я имѣлъ постоянный пріютъ.“

„Однажды утромъ, когда я сидѣлъ у знакомаго мнѣ англичанина, извѣстнаго въ Москвѣ сѣдельнаго мастера, къ дому подъѣхала карета и въ магазинъ вошелъ пожилой баринъ, важнаго вида. Хозяинъ встрѣтилъ его знаками особаго уваженія, какъ человѣка извѣстнаго ему и конечно богатаго. Баринъ заказалъ два дамскія сѣдла для своихъ дочерей и повернулся, чтобы уйти изъ магазина, но на порогѣ остановился, потеръ лобъ, какъ бы припоминая что-то и черезъ минуту обратился къ хозяину съ вопросомъ: не знаете ли вы кого-нибудь изъ своихъ соотечественниковъ, способнаго преподавать англійскій языкъ? Мои дочери желаютъ продолжать изученіе этого языка, и ежели вы мнѣ найдете такого человѣка, то я взялъ бы его завтра съ собой въ деревню.“ — При этихъ словахъ я выступилъ впередъ и, прежде чѣмъ

хозяинъ магазина у спѣлъ отвѣтить, предложилъ себя въ учители англійскаго языка, который, разумѣется, я зналъ совершенно. Баринъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторою недовѣрчивостію; однако, сдѣлавъ мнѣ на англійскомъ языкѣ нѣсколько вопросовъ: кто я? гдѣ живу? и проч, онъ у стремилъ вопросительный взглядъ на хозяина. Тотъ понялъ, чего отъ него требуютъ и рекомендовалъ меня, какъ знающаго отлично англійскій, французскій и нѣмецкій языки, также довольно хорошо музыку, и ручался за мое поведеніе. Эта рекомендація, казалось, вполнѣ удовлетворила барина; онъ спросилъ, какую я желаю получить плату. Не долго думавши, я назначилъ тысячу рублей ассигнаціями въ годъ. Онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, вынулъ карточку и велѣлъ пріѣхать къ себѣ на другой день, чтобы тотчасъ же отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Смоленскую губернію въ его деревню.“ —

„Все это такъ быстро совершилось, что, по уходѣ барина, я нѣсколько минутъ не могъ опомниться, но хозяинъ магазина совершенно успоилъ меня, сказавъ, что онъ давно знаетъ моего будущаго патрона, помѣщика Ушакова, — человѣка очень богатаго и благородныхъ правилъ. Родители, когда я разсказалъ о всемъ случившемся,

остались довольны. На слѣдующій день, уложивъ всѣ свои пожитки въ маленькій чемоданъ, я, въ назначенный часъ, былъ уже въ домѣ г. Ушакова, сѣлъ съ нимъ въ карету и поскакалъ вонъ изъ Москвы. Дорогою онъ спалъ, а я мечталъ о предстоящей мнѣ будущности.“ —

„Послѣ суточной, безпрерывной ѣзды, наша карета остановилась у подъѣзда огромнаго барскаго дома. Толпа слугъ выскочила на крыльцо и на рукахъ внесла по лѣстницѣ моего полусоннаго повелителя. Двѣ взрослыя дочери кинулись ему на шею. Когда кончилась сцена свиданія, на которую я съ любопытствомъ смотрѣлъ, никѣмъ незамѣченный, отецъ обратился ко мнѣ и представилъ своимъ дочерямъ, какъ учителя англійскаго языка. На мой почтительный поклонъ, тѣ отвѣтили легкимъ, граціознымъ реверансомъ и за тѣмъ, отдано было приказаніе дворецкому помѣстить меня въ комнатѣ, которую занималъ удаленный отъ должности французскій учитель.“ —

„Съ тѣхъ поръ я сдѣлался неразлучнымъ собесѣдникомъ моихъ милыхъ ученицъ. Онѣ лишились матери и состояли подъ надзоромъ наемной компаньонки, просиживавшей почти безвыходно въ своей комнатѣ. Отецъ, занятый дѣлами, ви-

дѣлся съ ними только въ положенные часы дня и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Мудрено ли, что, при полной свободѣ встрѣчаться во всякое время и говорить на языкѣ для другихъ непонятномъ, мы быстро сближались между собою? Обѣ сестры были прекрасны, мнѣ особенно нравилась меньшая — рѣзвый, живой ребенокъ съ пылкимъ характеромъ. Мы страстно полюбили другъ друга, увлеклись и... забылись! Что было дѣлать? открыться отцу и просить его согласія на бракъ, — значило разстаться на вѣки, потому что этотъ гордый и холодный баринъ скорѣе бы убилъ свою дочь, нежели позволилъ бы ей сдѣлаться женой какого-нибудь Шервуда. Между-тѣмъ наша тайна приближалась къ открытію, нельзя было медлить болѣе, мы обвѣнчались тихонько. Но оставаться въ такомъ тяжеломъ положеніи было невозможно; слѣдовало подумать о будущности нашей и нашего невиннаго ребенка, готоваго явиться на свѣтъ. Послѣ долгихъ колебаній мы рѣшили, что я вступлю въ военную службу и выслужу офицерскій чинъ, представлявшійся намъ единственнымъ путемъ къ умилостивленію отца. Съ растерзаннымъ сердцемъ я оставилъ домъ г. Ушакова и отправился въ Москву. Но чтобы достигнуть цѣли, мнѣ необходимо было пріобрѣсти протекцію

сильнаго человѣка; для этого слѣдовало втереться въ высшее общество, а войти туда я могъ неиначе, какъ въ качествѣ учителя англійскаго языка въ какомъ-нибудь знатномъ домѣ. При помощи моихъ соотечественниковъ я скоро получилъ желаемое мѣсто въ домѣ генерала Стааля; старикъ очень полюбилъ меня, и узнавъ о моемъ намѣреніи, взялся содѣйствовать опредѣленію меня въ полкъ.“

„Между множествомъ извѣстныхъ ему полковыхъ командировъ онъ избралъ командира нашего полка, полковника Гверса, къ которому и написалъ обо мнѣ. Гверсъ изъявилъ полное согласіе на принятіе меня къ себѣ. А какъ въ это время генералу Стаалю предстояла поѣздка въ Одессу по дѣламъ мужбы, то онъ взялъ меня съ собою, довезъ до Елисаветграда, а оттуда отправилъ въ Новомиргородъ, къ Гверсу. Я явился ему, подалъ прошеніе и поступилъ въ нашъ полкъ на правахъ вольноопредѣляющихся, съ двѣнадцатилѣтнимъ срокомъ службы до офицерскаго чина. Остальное все извѣстно вашему высокоблагородію.“ —

Кончивъ свой разсказъ, Шервудъ всталъ и вытянулся предо мною. Но я снова усадилъ его. „И вы поступили благородно, сказалъ я ему, что для спасенія чести ввѣрившагося вамъ существа

рѣшились надѣть солдатскую лямку; но какъ видно, ваша рѣшимость была только мгновенная вспышка и у васъ недостало твердости духа, чтобы вынести до конца испытаніе. Это малодушіе тѣмъ болѣе непростительно, что здѣсь дѣло идетъ о жизни и чести женщины, любящей васъ до самоотверженія. Дайте мнѣ слово исправиться и я употреблю всѣ силы, чтобы быть вамъ полезнымъ. А для начала, прошу васъ привести въ порядокъ свою наружность и приходить ко мнѣ, какъ хорошему знакомому, каждый день обѣдать.“

Шервудъ былъ видимо растроганъ. Онъ не могъ произнести ни одного слова и ушелъ отъ меня со слезами на глазахъ.

Нашъ разговоръ, къ великой радости моей, произвелъ самое благопріятное вліяніе на Шервуда. Съ этого дня онъ переродился; пересталъ пить, одѣвался не только чисто, даже изящно, на сколько позволяла то его солдатская форма; службу исполнялъ примѣрно, и во всѣхъ возлагаемыхъ мною на него порученіяхъ обнаруживалъ большія способности, осабенно въ дѣлахъ по части тайной полиціи, что было, породу моей службы, неоцѣненнымъ качествомъ въ моихъ глазахъ. —

Послѣ того я встрѣтилъ у командира нашего полка, Гверса, помѣщика Кіевской губерніи, от-

ставнаго генерала Александра Львовича Давыдова. Онъ завелъ, между прочимъ, рѣчь о томъ, что у насъ въ Россіи очень мало ученыхъ механиковъ, вслѣдствіе чего, хозяйственныя машины домашней работы стоятъ дорого, а выписка ихъ изъ за-границы сопряжена съ большими затрудненіями; что по этой же причинѣ, и при средствахъ у насъ ничего завести нельзя, потому, что при поврежденіи машины, негдѣ достать мастера, и фабрика прекращаетъ свои дѣйствія. „Да вотъ, напримѣръ, продолжалъ онъ, это самое случилось со мной. Я нашелъ нѣмца, который устроилъ у меня водяную мельницу; пока нѣмецъ былъ живъ, мельница молола и приносила мнѣ значительный доходъ; умеръ мой нѣмецъ, машина испортилась и мельница стоитъ, за невозможностію пріискать мастера, который бы исправилъ ее.“ —

Вспомнивъ, что Шервудъ обучался у отца своего механикѣ, я вздумалъ предложить его услуги Давыдову и тотъ принялъ мое предложеніе съ восторгомъ. Послали за Шервудомъ. Онъ брался починить мельницу какого угодно устройства; дѣло сладилось; Шервудъ немедленно уѣхалъ въ имѣніе Давыдова, мѣстечко Каминку, прожилъ тамъ болѣе мѣсяца, пустилъ мельницу въ ходъ и возвратился въ полкъ. Послѣ того онъ принялся

съ прежнимъ усердіемъ заниматься въ канцеляріи, посѣщалъ меня ежедневно и употреблялъ всѣ средства чтобы выказать мнѣ свою преданность и благодарность. Но я замѣтилъ въ обращеніи его со мной что-то новое, какую-то таинственность, ли въ совахъ загадочную двусмысленность. Однако я не обратилъ на это особеннаго вниманія и вскорѣ воспользовался новымъ случаемъ оказать ему услугу.

Командиромъ Бугскаго уланскаго полка, былъ полковникъ Гверсъ 2й, родной братъ моего командира. По сдѣланному на него доносу однимъ изъ офицеровъ его полка, надъ нимъ производилось въ то время, по распоряженію корпуснаго командира, слѣдствіе, принимавшее самый непріятный оборотъ, потому что многіе офицеры пристали къ враждебной ему партіи. Въ такихъ обстоятельствахъ Гверсъ, не находя около себя человѣка, на котораго могъ бы положиться, пріѣхалъ къ брату съ просьбою указать ему искуснаго дѣльца и законника. Гверсъ 1й, отъ природы лѣнивый и безпечный, ненавидѣвшій все, что носило названіе дѣла, очень не радъ былъ возмутителю своего покоя и, чтобы отвязаться отъ братца, рекомендовалъ обратиться за совѣтомъ ко мнѣ. —

Зная изъ сущности дѣла и изъ направленія,

которое оно взяло, что для спасенія Гверса 2го надобно было зорко и неусыпно слѣдить за всѣми дѣйствіями коммисіи, я сталъ припоминать, кто бы могъ быть способенъ къ исполненію такихъ обязанностей, и напалъ на Шервуда. Лучше этого человѣка нельзя сыскать. Онъ былъ смѣтливъ, хитеръ, мастеръ все развѣдать, выпытать и славно зналъ аудиторскую часть. Я безъ затрудненія указалъ на него Гверсу и тотъ взялъ его съ собой въ штабъ полка, въ г. Вознесенскъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Шервудъ все не возвращался къ своему мѣсту, хотя до меня уже дошли слухи объ окончаніи слѣдствія по доносу на Гверса и о рѣшеніи дѣла въ его пользу. Наконецъ онъ явился, и разсказывая мнѣ о своихъ дѣйствіяхъ, далъ замѣтить, что былъ посланъ Гверсомъ въ имѣніе его жены, состоящее въ Харьковской губ., по весьма важнымъ дѣламъ, гдѣ и имѣлъ случай познакомиться весьма коротко съ замѣчательнымъ лицомъ, артиллеріи поручикомъ Вадковскимъ. Въ этотъ разъ, какъ и прежде, я замѣтилъ въ словахъ и наружности Шервуда какую-то загадочность, а въ обращеніи большую самонадѣянность.

„Чѣмъ же этотъ Вадковскій замѣчателенъ?“ спросилъ я его.

„О! очень замѣчателенъ,“ отвѣчалъ Шервудъ, лукаво посмотрѣвъ на меня. „Я полагаю, что вамъ хорошо извѣстно, по какому именно обстоятельству, и даже убѣжденъ въ этомъ, судя по вашему близкому знакомству съ Сохацкимъ и Лихаревымъ!“ —

„Я васъ рѣшительно не понимаю. Мое знакомство съ Сохацкимъ и Лихаревымъ не можетъ же познакомить меня съ цѣлымъ свѣтомъ, и я первый разъ слышу отъ васъ о Вадковскомъ, эта фамилія мнѣ даже совершенно неизвѣстна. Да и съ чего вы взяли, что чрезъ знакомство съ двумя первыми я долженъ непремѣнно знать и Вадковскаго? Объяснитесь пожалуста.“ —

Во все это время Шервудъ пристально и зорко смотрѣлъ мнѣ въ глаза, желая проникнуть, какое впечатлѣніе производятъ на меня слова его.

„Можетъ быть я и ошибаюсь,“ отвѣчалъ онъ, полагая, что вы лично знакомы съ Вадковскимъ; но, по отношеніямъ его къ Лихареву, вамъ непремѣнно извѣстно, какое онъ имѣетъ значеніе въ общемъ дѣлѣ“... На послѣднихъ словахъ онъ сдѣлалъ особенное удареніе. — „Вы развѣ не замѣчаете, что въ народномъ духѣ начали проявляться особенные, тревожные признаки, общее неудовольствіе противъ правительства; распространяются слухи,

что къ первому мая будущаго года должна произойти какая-то важная перемѣна въ государственномъ управленіи.... Нѣтъ сомнѣнія, что все это броженіе умовъ есть дѣло тайнаго общества, въ существованіи котораго я почти увѣренъ... даже положительно знаю, что оно существуетъ... И такъ, вы видите, что со мною можете быть откровенны.“ —

„Я не имѣю тайнъ, и терпѣть ихъ не могу!“ вскричалъ я, выведенный изъ себя наглостію Шервуда! „Я дѣйствую всегда открыто и докажу это тѣмъ, что сію минуту пошлю за непремѣннымъ членомъ Комитета, велю тебя посадить на гауптвахту за желѣзную рѣшетку и донесу по командѣ о твоихъ загадочныхъ словахъ! Ты поневолѣ разъяснишь ихъ при допросѣ!..“ —

Вслѣдъ затѣмъ я крикнулъ человѣка и только что хотѣлъ отдать ему нужное приказаніе, какъ Шервудъ, блѣдный и трепещущій, вскочилъ со стула, схватилъ меня за руку и сказалъ умоляющимъ голосомъ.

„Что вы дѣлаете!... вы погубите и себя и меня! Ради Бога, выслушайте меня, я вынужденъ теперь открыть вамъ всю тайну, и тогда дѣйствуйте, какъ будетъ угодно!“ —

Видя непритворное отчаяніе Шервуда и о-

пасаясь поспѣшностію навлечь на себя дѣйствительную бѣду, я рѣшился выслушать его и потомъ уже поступить съ нимъ, какъ укажутъ обстоятельства. Выславъ изъ кабинета человѣка и заперевъ дверь на ключъ, я приготовился слушать.

„По рекомендаціи вашей“ началъ Шервудъ, „я отправился въ имѣніе А. Л. Давыдова, въ мѣстечко Каменку, и принялся за управленіе мельницы. Не смотря на то, что я жилъ въ самой усадьбѣ и ежедневно встрѣчался съ семействомъ хозяина то за обѣдомъ, то за чаемъ, я не могъ сдѣлаться у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Меня полюбила только старушка мать Алекс. Львовича; прочіе члены терпѣли мое присутствіе изъ угожденія ей, а младшій сынъ ея, отставной полковникъ Василій Львовичъ, даже не скрывалъ своей недовѣрчивости ко мнѣ.“ —

„Впрочемъ, житье мнѣ тутъ было раздольное и я не очень спѣшилъ исправленіемъ мельницы. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Привыкнувъ и приглядѣвшись къ образу жизни въ Каменкѣ, я былъ пораженъ однимъ очень страннымъ обстоятельствомъ. Каждую субботу, въ семь часовъ вечера съѣзжались къ Давыдовымъ гости, но главное то, что эти гости были все однѣ и тѣ же лица: полковники Пестель, Муравьевъ, Янтальцовъ,

штаб-докторъ 2й арміи Яфимовичъ, генеральнаго штаба поручикъ Лихаревъ, помѣщикъ Поджіо и еще нѣкоторые другіе."

„Въ семейномъ кругу Давыдовыхъ они появлялись лишь за обѣдомъ и ужиномъ и были не очень любезны съ дамами, все остальное время проводили въ пристройкѣ дома, на половинѣ Василія Львовича. Прогостивъ такимъ образомъ сутки, всѣ они, почти въ опредѣленный часъ, разъѣзжались."

„Въ одну изъ такихъ субботъ, послѣ ужина, за которымъ присутствовали и названные мною гости, я шелъ на ночлегъ въ отведенный мнѣ флигель и размышлялъ о странныхъ съѣздахъ этихъ господъ въ условленное время, объ ихъ таинственныхъ ночныхъ бесѣдахъ! сталъ припоминать ихъ загадочныя мины и двусмысленныя выраженія въ общихъ разговорахъ и соображая разныя подмѣченныя мною обстоятельства, вывелъ заключеніе, что здѣсь что нибудь кроется. Волнуемый разными ощущеніями, я бродилъ задумчиво по двору. Ночь была прекрасная; часы давно пробили полночь. Я поднялъ глаза на окна дома и замѣтилъ свѣтъ, пробивавшійся сквозь занавѣски оконъ мезонина. Тутъ я уже не въ силахъ былъ удержать овладѣвшаго мною любопытства, вошелъ въ домъ и осторожно

497664
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

сталъ подыматься по лѣстницѣ, ведущей на верхъ. Въ прихожей было темно и я никого въ ней не встрѣтилъ: я догадался, что прислугу съ умысломъ удалили. Сквозь замочную скважину смѣжной комнаты проникалъ свѣтъ и слышался громкій и жаркій разговоръ. Но чтобы разслышать слова я долженъ былъ подойти къ самой двери, для этого, снявъ сапоги и взявъ ихъ подъ мышку, я на цыпочкахъ подкрался къ ней, приложилъ глазъ къ замку и увидѣлъ слѣдующую картину. Вокругъ большаго стола сидѣли всѣ постоянные посѣтители Каменки и съ ними Василій Львовичъ Давыдовъ. По столу было разбросано много бумагъ; Лихаревъ держалъ въ рукѣ перо, ожидая приказанія писать."

„При этомъ зрѣлищѣ кровь ударила мнѣ въ голову, а сердце готово было выскочить изъ груди. Я затаилъ дыханіе и прильнулъ ухомъ къ замочной скважинѣ. Изъ первыхъ же словъ, произнесенныхъ Пестелемъ, диктаторскимъ тономъ, я могъ положительно заключить, что дѣло идетъ о тайномъ заговорѣ противъ правительства. Долго спорили между собою; разговоръ ихъ то воспламенялся, то упадалъ, а Лихаревъ между тѣмъ записывалъ принятыя единогласно рѣшенія. —"

„Положеніе мое было невыразимо; я замиралъ

отъ страха и готовъ уже былъ убѣжать, какъ вдругъ мелькнувшая въ умѣ моемъ мысль, — что открытіемъ заговора я могу составить себѣ карьеру, — дала мнѣ рѣшимость остаться на своемъ посту. Но пока шла во мнѣ эта внутренняя борьба, заговорщики встали съ своихъ мѣстъ. Давыдовъ взялся за шнурокъ колокольчика, чтобы позвать снизу прислугу; я отскочилъ отъ двери и выскользнулъ на дворъ, никѣмъ незамѣченный. — Возвратясь въ свою комнату, я не могъ заснуть въ эту ночь отъ волненія и отъ множества плановъ, роившихся въ моей головѣ.“

„Рѣшаясь основать свое счастіе на открытіи заговора, я не хотѣлъ останавливаться на первомъ шагѣ, но принялъ твердое намѣреніе смѣло идти впередъ, слѣдить до послѣдней возможности за дѣйствіями общества и проникнуть ихъ тайную цѣль. Для достиженія полнаго успѣха я начертилъ планъ своего будущаго поведенія. Чтобы не возбудить противъ себя подозрѣній, я долженъ былъ притвориться безпечнымъ, необращающимъ ни на что особеннаго вниманія, а между тѣмъ не пропускать ни одного засѣданія, все подслушивать и записывать. По этому мнѣ непремѣнно слѣдовало продлить свое пребываніе въ домѣ Давыдовыхъ; но какъ мельница была уже почти совсѣмъ испра-

влена и пущена въ ходъ, то я снова испортилъ ея механизмъ, и тѣмъ вполнѣ достигъ желаемаго.“

„Мои наблюденія шли какъ нельзя болѣе удачно. Я ознакомился совершено съ основными идеями общества, узналъ имена не только главныхъ членовъ заговора, но и многочисленныхъ ихъ сообщниковъ, разсѣянныхъ по всей имперіи, съ которыми они вели дѣятельную переписку, и составилъ списокъ всѣхъ означенныхъ лицъ. Съ этими свѣдѣніями я возвратился въ Новомиргородъ. Здѣсь я надѣялся разширить кругъ моихъ наблюденій, зная, что въ военномъ поселеніи много было людей, недовольныхъ правительствомъ; однако я ошибся на этоть разъ въ своихъ расчетахъ: свободныя мысли не могли, повидимому, вмѣститься въ головахъ, пригнутыхъ къ землѣ деспотическою властію. Ваши близкія отношенія съ капитаномъ Сохацкимъ и знакомство съ Лихаревымъ давали мнѣ поводъ думать, что и вы принадлежали къ обществу; однако я не смѣлъ еще тогда обнаружить передъ вами своихъ предположеній.“

„Нѣсколько разъ я готовъ былъ прямо написать къ государю; но удержался, не имѣя еще въ то время въ своихъ рухахъ достаточныхъ доказательствъ къ раскрытію заговора, а безъ нихъ опасно было пускаться на такое дѣло. Поэтому

я сталъ выжидать случая, который бы далъ мнѣ возможность неопровержимыми фактами подтвердить свой доносъ.“

„Этотъ желаемый случай доставили мнѣ, отъ рекомендовавъ меня полковнику Гверсу, какъ человѣка, способнаго вести его дѣло.“ —

„По пріѣздѣ въ г. Вознесенскъ, я познакомился съ офицерами Бугскаго уланскаго полка. Въ числѣ ихъ былъ Бульгари, человѣкъ весьма ловкій, образованный, богатый и пропитанный вольными идеями. Это подало мнѣ поводъ справиться, состоитъ ли онъ въ моей записной книжкѣ, и къ невыразимому удовольствію я нашелъ его имя въ спискѣ заговорщиковъ. Найдя такимъ образомъ слѣдъ для дальнѣйшихъ розысканій, я употребилъ всѣ усилія, чтобы сблизиться съ Бульгари и достигъ этого. Зная, въ чемъ заключаются главныя идеи общества, я началъ слегка, какъ будто съ недовѣрчивостію, намекать ему объ нихъ, чтобы дать понять, что и я принадлежу къ тому же обществу; но онъ постоянно уклонялся отъ разговора откровеннаго и не попадалъ въ разставленныя ему сѣти.“

„Однажды Бульгари предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ его усадьбу, на что, разумѣется, я охотно согласился. Онъ имѣлъ огромное заведеніе

испанскихъ овецъ, уходъ за которыми составлялъ главный предметъ его заботливости. Но какъ по смерти управляющаго заведеніемъ, нѣмца, эта часть хозяйства приходила въ видимый упадокъ, то я, изъ желанія привлечь къ себѣ еще болѣе Бульгари, взялся приводить ее въ порядокъ, въ чемъ и дѣйствительно успѣлъ, потому что изучилъ у отца правила овцеводства и весь процессъ сбора и мытья шерсти.“

„Занимаясь этимъ дѣломъ, я не упускалъ однако изъ вида главной своей цѣли — укоренить въ Бульгари мнѣніе, что и я принадлежу къ числу заговорщиковъ, и уловивъ какъ-то въ разговорѣ удобную минуту, сдѣлалъ ему внезапный вопросъ.“

„Вы не получали еще обо мнѣ изъ Каменки никакого увѣдомленія?“ —

„Изъ Каменки?“ — повторилъ съ удивленіемъ Бульгари. „По какому случаю и отъ кого я могу получить объ васъ увѣдомленіе? Да и изъ какой Каменки?“

„Полноте притворяться,“ возразилъ я ему. „Вы конечно ждете, чтобы я первый заговорилъ съ вами? Извольте. Изъ той Каменки, гдѣ ваше имя очень хорошо извѣстно — вы догадываетесь по какому обстоятельству. Удивляюсь, что Лихаревъ до сихъ поръ ничего не писалъ къ вамъ: во время

нашей послѣдней субботней бесѣды Пестель просилъ его именно объ этомъ. Тѣмъ непонятнѣе для меня молчаніе Лихарева, что онъ зналъ, что въ непродолжительномъ времени я буду въ Вознесенскѣ и увижусь съ вами.“ —

„Моя хитрость удалась совершенно. Булгари ввѣрился мнѣ и раскрылъ весь составъ и всѣ планы общества.“

„Между тѣмъ я продолжалъ дѣятельно заниматься дѣломъ Гверса; наконецъ оно кончилось и Гверса оправдали. Но за то денежныя его обстоятельства пришли въ самое несчастное положеніе; слѣдовало внести значительную сумму на пополненіе казеннаго ящика, а денегъ небыло. Это заставило его прибѣгнуть къ помощи родителей жены, и вотъ меня отправили къ нимъ въ Харьковскую губернію, въ качествѣ довѣреннаго лица. — Придя проститься съ Булгари, я просилъ его доставить мнѣ случай познакомиться съ нѣкоторыми лицами общества, которыхъ я, какъ новичекъ, не успѣлъ еще узнать, но онъ самъ предупредилъ мое желаніе и далъ мнѣ рекомендательное письмо къ Вадковскому, сказавъ, что онъ сведетъ меня со всѣми членами нашего общаго дѣла.“

„Но прежде чѣмъ отдать письмо по адресу, мнѣ необходимо нужно знать его содержаніе; и

потому я осторожно распечаталъ конвертъ и прочелъ, что Булгари, увѣдомляя Вадковскаго о моемъ вступленіи въ ихъ общество, хотя и вѣрилъ вполнѣ этому обстоятельству, однако писалъ, что, не имѣя о томъ положительныхъ свѣдѣній, удерживался до извѣстной степени въ разговорахъ со мною, каковую предосторожность относительно меня совѣтовалъ наблюдать и ему. Ловко припечатавъ конвертъ, я отправился въ Харьковскую губернію, исполнилъ порученіе Гверса, не замѣдлилъ отыскать потомъ Вадковскаго и вручилъ ему письмо Булгари."

„Прочитавъ письмо, Вадковскій очень равнодушно положилъ его въ карманъ, какъ будто въ немъ незаключалось ничего важнаго, и завелъ со мною пространный разговоръ, вовсе неинтересный ни для него, ни для меня, за тѣмъ предложилъ мнѣ завтракъ, угостилъ обѣдомъ, по окончаніи котораго дѣло мое не подвинулось впередъ ни на шагъ, такъ-что мнѣ оставалось только взять шапку и уйти. Въ такомъ критическомъ положеніи я рѣшился дѣйствовать прямо и, начавъ разговоръ о своемъ знакомствѣ съ Булгари, о Каменкѣ, слегка коснулся общаго дѣла и лицъ, составляющихъ тайное общество."

„Вадковскій, также какъ и Булгари поддался на эту штуку; во время моего разсказа, я замѣ-

тилъ по выраженію его лица, что онъ начинаетъ убѣждаться въ моемъ участіи въ заговорѣ, когда же, на сдѣланные имъ нѣкоторые вопросы, я отвѣтилъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, онъ подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „Теперь я вижу, что вы дѣйствительно принадлежите къ нашимъ. Оставимъ мистификаціи и будемъ братьями общаго дѣла.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ мнѣ погостить у него нѣкоторое время.“

„Въ нѣсколько дней, проведенныхъ у Вадковскаго, я вывѣдалъ отъ него все, что хотѣлъ знать. Онъ полюбилъ меня искренно и раскрылъ мнѣ, какъ другу и брату общаго дѣла, всѣ мельчайшія подробности заговора. Отъ него мнѣ стало извѣстно на сколько частей раздѣляется общество, въ какихъ пунктахъ государства существуютъ особенныя засѣданія, стремящіяся къ достиженію одной цѣли, кто первенствующее лицо заговора, и въ заключеніе, передалъ мнѣ списокъ всѣхъ членовъ его.“

„Достигнувъ совершенно своей цѣли, я уже не имѣлъ болѣе надобности оставаться у Вадковскаго и поспѣшилъ отъ него уѣхать, подъ предлогомъ неконченныхъ еще порученій Гверса. Я остановился въ г. Богодуховѣ и съ первою же почтою отправилъ письмо на имя графа Аракчеева,

въ которомъ объяснилъ, что мною открытъ тайный заговоръ злоумышленниковъ противъ правительства и царской фамиліи, что имѣя въ своихъ рукахъ несомнѣнныя факты существованія заговора, я могу ихъ представить только лично государю, почему и прошу разрѣшенія явиться для этого въ Петербургъ, какого разрѣшенія я буду ожидать въ Богодуховѣ."

„Вскорѣ я получилъ отъ графа повелѣніе съ подорожною и прогонами, проскакалъ на курьерскихъ трое сутокъ безъ отдыха, и прямо съ дороги очутился въ кабинетѣ графа, въ Грузинѣ. Когда я вошелъ, онъ мнѣ сказалъ повелительнымъ тономъ:

„Ты донесъ о существованіи какого-то тайнаго заговора противъ правительства и царской фамиліи. Понимаешь ли, на какое важное дѣло ты рѣшился и знаешь ли, что по закону первый кнутъ доносчику, если онъ не докажетъ своего доноса? Помни это! Ну, теперь говори, гдѣ и какъ ты открылъ это тайное общество, изъ какихъ лицъ оно состоитъ и какія ты имѣешь доказательства?" —

„Ваше сіятельство, отвѣчалъ я ему, — я открылъ это общество въ Кіевской губерніи, случайно; но оно распространено по всей Россіи, — и я могу фактами доказать справедливость моихъ

словъ. Но позвольте доложить вашему сіятельству, что я не въ правѣ объяснить ихъ никому, кромѣ самого государя императора.“ —

„Какъ! вскричалъ Аракчеевъ развѣ тебѣ неизвѣстно, что я пользуюсь особеннымъ довѣріемъ государя? что всѣ государственныя тайны мнѣ открыты? Ты обязанъ мнѣ все сказать для доклада государю императору.

„Грозное выраженіе лица и голоса Аракчеева заставили меня содрогнуться; зная неограниченную власть этого временщика и его злобный характеръ, я рисковаль окончательно погибнуть; но мысль, что открывъ ему все, я могу остаться въ тѣни и не извлечь никакихъ выгодъ изъ моего поступка, придало мнѣ твердую рѣшимость повторить прежній отвѣтъ.“

„Вытянувшись еще болѣе въ струнку предъ его сіятельствомъ, я сказалъ, что такъ какъ тайна заговора относится собственно къ особѣ его величества, то я обязанъ открыть ее только лично государю, хотя и знаю вполнѣ, что его сіятельство пользуется неограниченнымъ довѣріемъ императора, занимая мѣсто перваго сановника въ государствѣ.“

„Аракчеевъ злобно на меня посмотрѣлъ и сказалъ:“ хорошо! я посмотрю, что ты будешь тамъ говорить. Ступай, на-скоро пообѣдай и будь

готовъ.“ — Затѣмъ онъ кивнулъ мнѣ головой, я повернулся на лѣво кругомъ и вышелъ изъ кабинета, какъ изъ преисподней. Лакей провелъ меня въ особую комнату, гдѣ уже былъ приготовленъ обѣдъ, за который я принялся съ отличнымъ апетитомъ, возбужденнымъ трехсуточной ѣздою и кабинетной пыткой.“

„Не успѣлъ я докончить послѣднаго блюда, какъ вышелъ фельдъегерь и объявилъ, что графъ уѣхалъ въ Петербургъ, куда и мы должны немедленно отправляться, на стоящей уже у крыльца курьерской тройкѣ. Къ вечеру того же дня я, въ сопровожденіи фельдъегеря, прискакалъ въ Петербургъ, прямо къ дому графа Аракчеева, гдѣ мнѣ слѣдовало ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.“ —

„Шагая изъ угла въ уголъ по отведенной мнѣ комнатѣ, я началъ обсуживать свое положеніе. Я, ничтожный унтеръ-офицеръ, долженъ предстать предъ лицо могущественнаго монарха и раскрыть ему ужасную тайну! О если я не докажу ее? что меня ожидаетъ? — Плеть по закону и вѣчная месть со стороны тѣхъ, на кого я донесу! я видѣлъ ясно, что поставилъ себя въ безвыходное положеніе; мысли путались по распаленной моей головѣ, жаръ и дрожь прохватывали до костей мое тѣло... Прошло нѣсколько часовъ въ этомъ

томленіи. Наконецъ, поздно ночью, ко мнѣ вошелъ адъютантъ графа Аракчеева и объявилъ, чтобы я слѣдовалъ съ нимъ во дворецъ. При этихъ словахъ сердце мое дрогнуло, въ глазахъ помутилось, и я, какъ автоматъ пошелъ за адъютантомъ. Мы сѣли въ карету и помчались къ дворцу."

„Поднявшись по лѣстницѣ и пройдя нѣсколько комнатъ, мы не встрѣтили никого. Тишина нарушалась только шорохомъ нашихъ сапоговъ. Предъ кабинетомъ государя, сидѣвшій тутъ его камердинеръ, знакомъ головы велѣлъ намъ остановиться и пошелъ доложить его величеству. Въ эту минуту сердце мое готово было выскочить изъ груди, глаза впились въ дверь кабинета. Наконецъ она отворилась; камирдинеръ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобъ я вошелъ, адъютантъ шопотомъ сказалъ: ступайте, и я вошелъ."

„Государь стоялъ у камина, облокотясь на него, и разговаривалъ съ графомъ Аракчеевымъ. При моемъ появленіи, онъ повернулъ ко мнѣ голову и спросилъ:

„Ты открылъ тайный заговоръ? мнѣ доложилъ объ этомъ графъ." —

„Точно такъ в. в." отвѣчалъ я.

„Какія ты имѣешь доказательства?“ спросилъ опять государь, посмотрѣвъ на меня пристально.

Тогда я разстегнулъ одну пуговицу мундира, вынулъ изъ боковаго кармана списокъ заговорщикамъ и подавая его государю, сказалъ:

„Вотъ списокъ лицамъ тайнаго общества, злоумышляющихъ противъ особы в. в. я получилъ его изъ рукъ ихъ сообщника артиллеріи поручика Вадковскаго. —

Государь, на-скоро просмотрѣвъ списокъ, съ тревожнымъ выраженіемъ въ лицѣ, подалъ его Аракчееву и повернувшись ко мнѣ, продолжалъ:

„Какими путями ты узналъ эту тайну?

Я разсказалъ подробно все, что теперь ужъ вамъ извѣстно. Государь слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, посматривая то на меня, то на графа.

Когда я кончилъ, онъ пробылъ нѣсколько минутъ въ размышленіи, потомъ отрывисто произнесъ:

„Благодарю тебя за твою вѣрность мнѣ и моему престолу. Ежели этотъ заговоръ окажется существующимъ, то ты получишь достойную награду.... Твоей услуги я не забуду.... Но мнѣ все еще не вѣрится! Покрайнѣй мѣрѣ я не ожидалъ, чтобы въ Россіи нашлись измѣнники!....“ Обратясь потомъ къ Аракчееву, онъ продолжалъ:

„графъ! отпусти его къ мѣсту и дай ему всѣ средства къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ къ открытію злоумышленниковъ.“ —

Наконецъ взглянувъ на меня, прибавилъ:

„А ты, дѣйствуй, какъ укажетъ тебѣ совѣсть и относись прямо къ графу.“ — Легкимъ наклоненіемъ головы государь приказалъ мнѣ удалиться; я повернулся на лѣво кругомъ и вышелъ изъ кабинета; въ сосѣдней комнатѣ меня ожидалъ мой спутникъ адъютантъ и повезъ обратно въ домъ Аракчеева.

„На другой день утромъ меня позвали въ кабинетъ графа. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и писалъ. Положивъ перо, при входѣ моемъ, и посмотрѣвъ на меня пристально, онъ спросилъ:

„Все ли подробно ты объяснилъ вчера государю? Припомни хорошенько. Ты знаешь, что иногда самыя ничтожныя обстоятельства могутъ привести къ важнымъ открытіямъ. Повтори все мнѣ сначала: какъ ты узналъ о заговорѣ? Какія лица съѣзжались къ Давыдову? что ты слышалъ объ ихъ планахъ о намѣреніяхъ? не упоминали ли они о другихъ участникахъ въ заговорѣ? Что ты вывѣдалъ отъ Булгари и Вадковскаго?“ —

„Я повторилъ еще подробнѣе все, что докладывалъ государю и поименовалъ новыхъ лицъ,

о которыхъ слышалъ, какъ о сообщникахъ. Графъ записывалъ каждое названное мною имя и дѣлалъ противъ нихъ замѣтки. Наконецъ разспросы кончились; графъ всталъ со стула, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

„Ты теперь отправишься къ своему мѣсту. Строго слѣди за злоумышленниками, употребляй всѣ средства къ дальнѣйшимъ открытіямъ и обо всемъ пиши прямо ко мнѣ. Но смотри! Твой доносъ есть довремени величайшая тайна! Ежели ты измѣнишь, то на висѣлицѣ раскаешься.... но ужъ будетъ поздно! ты меня понимаешь? Ступай! Тебѣ дадутъ подорожную и экстраординарную сумму на расходы. Помни и то, что твои заслуги будутъ достойно награждены.“ —

„Послѣ этого разговора я немедленно отправился въ путь и вотъ ужъ недѣля, какъ оставилъ Петербургъ. Теперь вы видите, что я вамъ открылъ государственную тайну, открылъ только потому, что вы вынудили меня; но вмѣстѣ съ тѣмъ вы наложили и на себя обязанность хранить эту тайну. Теперь я кончилъ; вы можете дѣйствовать по своему усмотрѣнію.“ —

Съ послѣднимъ словомъ Шервудъ вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ подорожную, выданную ему въ Петербургѣ, изъ курьерскихъ, на трехмѣ-

сячный срокъ, во всѣ города Россійской имперіи.

Послѣ этого доказательства я уже не имѣлъ повода сомнѣваться въ истинѣ всего слышаннаго; но мнѣ мало было въ томъ пользы. Сдѣлавшись невольнымъ образомъ хранителемъ такой важной тайны, я какъ-будто связалъ себя съ негодяемъ и самъ предался въ его руки. Чтобы не попасть въ его адскій списокъ, я несмотря на свою невинность долженъ былъ держать себя съ крайней осмотрительностью, убѣдить его въ этомъ, что не принадлежу къ числу заговорщиковъ. —

Разсказъ Шервуда поразилъ меня изумленьемъ, которое я счелъ нужнымъ обнаружить вполнѣ. На его лицѣ выразилось при этомъ самодовольствіе и любопытство узнать, на что я рѣшился. Его глаза жадно слѣдили за всѣми моими движеніями. Наконецъ я вывелъ его изъ этого напряженнаго состоянія и сказалъ:

„Не входя въ разсужденія о причинахъ, побудившихъ васъ открыть существованіе заговора, нельзя не сознаться, что вы исполнили долгъ присяги и оказали большую услугу государю и государству. Поступокъ весьма похвальный! —

На вашемъ мѣстѣ и я сдѣлалъ бы тоже. Теперь вамъ остается продолжать идти по данному

направленію. Дѣйствуйте, какъ велитъ вамъ долгъ, тайна же которую вы открыли, погребена въ этой комнатѣ. Прошу васъ только объ одномъ — не вмѣшивайте меня въ дѣло, къ которому я нисколько не причастенъ и не требуйте моего содѣйствія, для васъ совершенно безполезнаго, занятія свои по комитету вы можете прекратить или продолжать, ежели найдете это нужнымъ для прикрытія вашихъ дѣйствій, — это зависитъ отъ васъ. Словомъ сказать, вы можете располагать собою, какъ хотите.“

Повидимому Шервудъ остался очень доволенъ, выпутавшись безъ послѣдствій изъ непріятнаго положенія. Онъ перемѣнилъ разговоръ, разсказывалъ нѣкоторые случаи, бывшіе съ нимъ вовремя поѣздокъ его въ Вознесенскъ, Харьковъ и Петербургъ, и затѣмъ удалился.

Въ одно время — я и нѣкоторые другіе офицеры зашли къ нашему полковому командиру Гревсу Іму, который сообщилъ намъ полученную изъ Петербурга новость объ отъѣздѣ государя въ Крымъ, Таганрогъ и Одессу и о намѣреніи его объѣхать всю южную Россію. Эта новость быстро разнеслась по пустынному Новоміргороду и сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ и предположеній. Шервудъ, зайдя какъ-то ко мнѣ, тоже заговорилъ о пу-

тешествіи государя съ свойственною ему таинственностію. Сначала онъ старался вывѣдать, не знаю ли я настоящей причины этой поѣздки, но когда я увѣрилъ его, что знаю только то, что ходитъ въ общей молвѣ, онъ сказалъ:

„О путешествіи государя мнѣ было извѣстно еще въ Петербургѣ. Когда предъ нимъ раскрылась тайна существованія заговора противъ его особы, онъ тогда же, счелъ необходимымъ для своей безопасности удалиться изъ Петербурга въ Одессу; но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ измѣнилъ свое намѣреніе и избралъ Таганрогъ или вообще Крымъ, — словомъ сказать, онъ на всякій случай желалъ приблизить себя къ берегамъ Чернаго моря. Да надо думать, что и вся царская фамилія посѣтитъ Крымъ, такъ покрайнѣй мѣрѣ, полагали окружающія государя лица.“ —

Не желая пускаться въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, я перемѣнилъ разговоръ, и Шервудъ замѣтя мою уклончивость, вскорѣ ушелъ отъ меня.

Въ эту эпоху замѣтно было въ высшихъ классахъ общества сильное броженіе умовъ. Либеральныя идеи, развиваемыя членами тайнаго общества, дѣлали быстрые успѣхи. Всѣ распоряженія правительства, даже самыя благонамѣренныя,

толковались въ превратномъ видѣ, на нихъ смотрѣли какъ на деспотическое проявленіе воли одного лица. Изъ исповѣди Шервуда я одинъ зналъ ту невидимую руку, которая колебала массы и съ трепетомъ жалъ близкой катастрофы. Вотъ въ какомъ положеніи находилось государство во время таганрогскаго событія. —

Я гостилъ тогда въ деревнѣ моего тестя. Для какой-то требы мы пригласили разъ своего приходскаго священника. Кончивъ что было нужно, онъ отозвалъ меня въ кабинетъ и, послѣ небольшаго предисловія, сдѣлалъ вопросъ:

„Вы не имѣете никакихъ свѣдѣній изъ Таганрога о постигшемъ насъ общемъ горѣ?“ —

„Нѣтъ не имѣю, отвѣчалъ я. А развѣ вы что слышали?“ —

Послѣ нѣкоторой нерѣшительности и послѣ убѣдительной просьбы не выдавать его, священникъ объявилъ, что онъ былъ наканунѣ въ Елисаветградѣ и слышалъ тамъ, что три дня назадъ скончался въ Таганрогѣ государь Александръ Павловичъ. Это извѣстіе тѣмъ сильнѣе поразило меня, что о болѣзни государя не было никакихъ слуховъ. Мысль о тайномъ обществѣ какъ молнія мелькнула въ моемъ умѣ..... Вскорѣ меня вы-

звали въ полкъ, для принесенія присяги императору Константину Павловичу.

Едва мы начали приходить въ себя отъ такого внезапнаго переворота, какъ начальникъ дивизіи, получивъ съ нарочнымъ повелѣніе о возшествіи на престолъ Николая Павловича, потребовалъ отъ насъ новой присяги..... Наконецъ долетѣлъ слухъ, и о событіяхъ 14 декабря.... Какъ бы въ подтвержденіе этого слуха начали появляться въ разныхъ мѣстахъ жандармскіе офицеры и фельдъегери, увозившіе въ Петербургъ то того, то другаго. Звонъ почтоваго колокольчика болѣзненно отзывался въ сердцѣ каждаго и леденилъ кровь... ни въ чьей душѣ не было спокойствія; даже люди совершенно невинные трепетали за свою свободу и жизнь.

Всѣ недовѣрчиво смотрѣли другъ на друга, опасаясь тайнаго доноса; связи самыя крѣпкія были порваны; что касается до меня, то вынужденною откровенностію Шервуда я былъ поставленъ въ самое скользкое положеніе и имѣлъ болѣе другихъ повода бояться.

Однако мои опасенія оказались напрасными.

Шервуда потребовали въ Петербургъ; нарочно присланный курьеръ увезъ отъ насъ этотъ драгоцѣнный ключъ для открытія многихъ тайнъ.

Не прошло недѣли послѣ его отсутсувія, какъ прискакавшій жандармскій офицеръ увезъ изъ нашего Новоміргородскаго уланскаго полка двухъ братьевъ Комаровыхъ; вслѣдъ за тѣмъ подхватили двухъ братьевъ Красносельскихъ.....

Шервудъ продолжалъ исполнять должность донощика съ необыкновеннымъ рвеніемъ; онъ съ неподражаемою ловкостію распутывалъ хитросплетенныя сѣти заговорщиковъ. За то и монаршія милости посыпались на него щедро.

Первоначально его произвели въ прапорщики съ переводомъ въ лейб-гвардіи драгунскій полкъ (впослѣдствіи конно-гренадерскій) и съ прибавленіемъ къ его фамиліи прозванія вѣрнаго; сверхъ того, высочайшею грамотою онъ получилъ достоинство русскаго дворянина.

Тайна его женитьбы тогда раскрылась. Вслѣдствіе желанія государя, гордый баринъ Ушаковъ принужденъ былъ признать ничтожнаго иностранца мужемъ своей дочери.

Въ непродолжительномъ времени Шервуда произвели въ поручики и въ штабсъ-капитаны. Все это совершилось въ теченіе трехъ мѣсяцовъ. Но ни названіе вѣрнаго, ни высочайшія милости не измѣнили его природныхъ низкихъ свойствъ, и новый Шервудъ-Вѣрный остался тотъ же

Шервудъ-скверный. Въ этомъ скоро убѣдился и государь, удаливъ его отъ всѣхъ порученій и даже отъ службы.

Но обращусь нѣсколько назадъ и разскажу сцену моего послѣдняго свиданія съ Шервудомъ. Я встрѣтился съ нимъ вовсе неожиданно у помѣщика Красносельскаго, куда онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ Бибиковымъ по одному порученію, касавшемуся Военныхъ поселеній. На немъ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, къ четырьмя звѣздочками на эполетахъ: онъ видимо растолстѣлъ и обрюзгъ. Увидя меня онъ кинулся съ протянутыми впередъ руками, радушно схватилъ мои руки и сталъ крѣпко жать ихъ.

Признаюсь, отъ этого прикосновенія невольная дрожь пробѣжала по моему тѣлу; но приличіе заставляло пересилить себя. Цѣлыя сутки мы провели въ домѣ Красносельскихъ. Бибиковъ съ Шервудомъ уѣхали первые. Когда по заведенному обычаю, хозяева, а съ ними и я, пошли провожать гостей до передней, то Шервудъ надѣвая мѣховые сапоги, обратился ко мнѣ и улыбаясь безстыдно, сказалъ:

„Знаете ли, И. П., что эти сапоги достались мнѣ послѣ Пестеля?“ —

Кровь закипѣла во мнѣ отъ негодованія; я не могъ удержать прилива желчи и отвѣтилъ ему:

„Какъ? Неужто успѣли выдѣлать такъ скоро кожу Пестеля, чтобы достойно наградить васъ?“ —

Хозяева посмотрѣли на меня съ ужасомъ: въ тѣ времена подобный отвѣтъ могъ привести..... неизвѣстно куда!

Съ тѣхъ-поръ я больше не видался съ Шервудомъ-Вѣрнымъ....

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
..... 193 г.

Печатано въ типографіи Г. Петца въ Наумбургѣ.